

УДК 930.2

Асп. *Кязимова С. М.*
Северо-Осетинский институт
гуманитарных и социальных исследований
им. В. И. Абаева,
г. Владикавказ

СОЦИАЛЬНАЯ СУЩНОСТЬ АМАНАТСТВА НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ (конец XVIII – первая половина XIX в.)

Внедрение Российской империи в политическое и социокультурное пространство Северного Кавказа трансформировало многие традиционные институты регулирования социальной жизни местных народов, при этом нередко используя некоторые из них для внеполитического влияния на местные сообщества. Одним из таких институтов стал институт аманатства, широко используемый администрацией в отношении традиционных элит.

В конце XVIII в. начался период фактического поглощения Северного Кавказа и насильственного утверждения имперских порядков. Внедрение Российской империи в политическое и социокультурное пространство Северного Кавказа трансформировало многие традиционные институты регулирования социальной жизни местных народов, при этом нередко используя некоторые из них для внеполитического влияния на местные сообщества. Одним из таких институтов стал институт аманатства, широко привлекаемый администрацией в отношениях с традиционными элитами.

Проблема аманатства интересна сама по себе, но, к сожалению, совершенно недостаточно изучена в литературе о Кавказе. Исключения составляют отдельные работы, посвященные бытованию института аманатства у ряда кавказских народов (Г. Кокиев, М. Канделаки, Е. Битова и др.). Обобщая работы исследователей по проблеме, можно сказать, что аманатство – это явление общекавказского масштаба, отмечаемое как на Северном Кавказе (в Дагестане, Ингушетии, Балкарии, Кабарде, Осетии), так и в Закавказье (азербайджанцы, грузины). Более того, ареал распро-

странения этого института гораздо шире географических границ Кавказа: он существовал у арабов, персов, крымских татар, украинцев и др.

Обращаясь к понятию «аманат», следует отметить его арабское происхождение. Само оно означает «вещь, отданную на хранение», «что доверяется», «заложник». Судебник царя Вахтанга VI, а также документы того периода указывают, что «аманати» – вещь неодушевленная, отданная на хранение [1, с. 9].

Что можно сказать относительно арабского происхождения термина «аманат»? Тяжелый гнет арабского ига не прошел бесследно для Закавказья, в частности, для Грузии. Но по сей день остается неясным, каким же образом задело горный регион Грузии утвердившееся на равнине арабское владычество, где удостоверяется торможение процесса феодализации и сближение западной и восточной ее частей. Периодическое ослабление центральной феодальной власти способствовало консервации у горцев некоторых форм общинного быта [1, с. 11]. Однако открытым остается вопрос относительно сохранности термина «аманат» в регионе проживания горцев восточной Грузии (в западной Грузии, в частности, в ее горной части, термин «аманат» не фиксируется). Здесь заслуживает внимания такой момент, как вывод автора статьи «amanat» в последнем английском издании «Энциклопедии Ислама» (см.: [1, с. 11]) об изначальных истоках происхождения понятия aman-amanat в мире древнего семитизма. Резюмируя рассуждения исследователя, следует считать что «amanat» происходит от «aman», что означает «безопасность», «укрытие», «покровительство». Посредством этого института человек, очутившийся вне закона и вне своей группы, принимает протекцию (защиту) посторонней ему группы, что часто подразумевает и защиту со стороны «святого места» [1, с. 12].

Аманатство как социальное явление прошло сложный длительный путь. С одной стороны, сохранность его и утверждение в горном регионе Кавказа естественно, если учитывать арабское влияние, с другой же стороны – представляется возможным исключить заимствование термина «аманат» из мира собственно арабского, т.е. не приурочивать его к эпохе арабского владычества, а соотнести со значительно более ранними контактами разно-

этнических патриархальных социальных групп. Впрочем, нельзя полностью отрицать заимствование горцами термина «аманат» в период (или позднее) арабского владычества. Однако все же основное значение аманатства в жизни кавказских горцев сводится к стремлению горца, оставшегося в своей общине вне закона, восстановить свой законный статус в общине чужой.

Что же вынуждало горца покинуть свой родной кров и идти в аманаты? В большинстве случаев основной причиной аманатства является убийство со своим неизбежным и тяжелым последствием – кровной мезтью. Фиксируются еще такие причины, как клевета, кража, нанесение оскорбления, нарушение брачного запрета – все это квалифицируется как неподчинение внутреннему порядку, установленному в общине [1, с. 20] и создает весьма благоприятную почву для вторичного аманатства. Нельзя обойти вниманием и миграционный аспект рассматриваемого института. Пленение, малоземелье и неблагоприятные естественно-климатические условия жизни при соответственно скудных средствах для существования также побуждали горцев к миграциям и переходу в категорию аманатов.

Итак, основной смысл аманатства поначалу сводился к принятию покровительства чужого социума, что делает этот институт специфической разновидностью искусственного родства, истоки которого следует искать в недрах поздних родовых общин. Его социальные функции в подобной форме бытования заключались в регулировании хозяйственно-экономических и социальных связей и отношений между принимающим социумом и той группой или индивидом, которые брались под его покровительство (см.: [1, с. 13]).

Однако аманатство практиковалось и в качестве регулятора политических отношений как между самими кавказскими народами, так и между ними и российской администрацией. Бурная внутривнутриполитическая жизнь на Кавказе актуализировала такую форму аманатства, как заложничество. Практику использования аманатов в качестве заложников широко применял Шамиль. В указанном значении рассматриваемый термин неоднократно фигурирует и на страницах периодической печати XIX в. У грузинских горцев в указанном значении термин не фиксируется.

Аманатство как инструмент политического влияния Российской империи на Северном Кавказе в своем развитии имело две

стадии. Первая, или начальная стадия, со временем совпадающая с моментом установления сношений между Россией и Северным Кавказом, характеризуется отсутствием явно выраженных элементов принуждения, тогда как его вторая стадия – это насильственное отбирание аманатов и заложников. Аманатство в этой стадии представляет собой не что иное, как заложничество – инструмент обеспечения лояльности горской знати новой политико-административной системе. При этом практика выдачи аманатов из влиятельных горских феодальных, узденских и старшинских фамилий для сохранения верности России касалась практически всех горских народов. Так, например, в апреле 1808 г. шеф Владикавказского гарнизонного полка ген.-м. И. К. Ивелич рапортовал главноуправляющему в Грузии ген.-фельдм. И. В. Гудовичу: «На каковыя их (тагаурских старшин. – С. К.) уверения положиться не можно и если не будут удержаны в Тифлисе из фамилий Есеновых, Мансуровых, Тулатовых и из Маклова, по одному из рода аманатов, то по возвращении их в ущельях шалости чиниться не перестанут...» [2, с. 219]

Аманаты от северокавказских горцев содержались в Терках, Святом Кресте, Кизляре, Моздоке, Астрахани: в Терках в начале XVIII в. аманатов было 14 человек, в Святом Кресте в 1733 г. – 18 человек, в Кизляре в 1760 г. – 20 человек [3, с. 193], все в возрасте от 3 до 26 лет. Горским аманатам выдавалось жалование, размер которого был обусловлен социальным происхождением аманата.

Сроком пребывания в аманатах формально считался один год, по истечении которого аманат подлежал освобождению, а его место – замещению новым аманатом. Однако освобождение аманата к формально установленному сроку почти никогда не происходило. Многие горские аманаты содержались настолько долго, что успевали окончательно обрусеть, и навсегда оставались в России. Те же, которые по освобождению возвращались на родину, продолжали пророссийскую агитацию [3, с. 195].

В русских пограничных крепостях существовали даже специальные аманатские школы. 1 февраля 1829 г., по указанию начальника Кавказской области, командующего войсками на Кавказской линии Г.А. Эммануэля, была открыта аманатская школа в крепости Нальчик. Предписывалось, «чтобы находящие-

ся от разных горских народов в залог покорности их аманаты занимались по мере письменным учением, как на турецком, ровно и на русском языках» (цит. по: [4, с. 146]). Интересные воспоминания об аманатской школе оставил венгерский путешественник и ученый Жан-Шарль де Бесс, участвовавший в 1829 г. в организованной Г.А. Эммануэлем академической экспедиции на Эльбрус, а затем посетивший Нальчик. Относительно аманатской школы у де Бесса сложились следующие впечатления: «Командант любезно привел ко мне 17 детей в возрасте 13-14 лет, выходцев из старшин карачаевцев, кабардинцев, дугуров и прочих... Детей обучают читать, писать, говорить по-русски... Правительство, устраивая эту школу, имело в виду весьма мудрый политический расчет. Дети местных жителей, меняя свои первоначальные представления и постепенно отказываясь от своей неприязни к русским, возвратятся к домашним очагам более образованными, более развитыми и приобщенными к европейским нравам... На протяжении всего периода времени, что они находятся в Нальчикской школе, детей вполне прилично содержат, кормят и одевают по образу жизни в их стране» (цит. по: [4, с. 147]).

Ко времени окончания Кавказской войны и наступлением нового этапа российско-северокавказских отношений в административно-правовой и социокультурной сферах запускается интеграционный механизм, что ведет к изживанию института аманатства, переставшего уже играть роль важного регулятора социально-экономических и политических отношений на Кавказе.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Канделаки М. Б.* Из общественного быта горцев грузин – институт аманатства. Тбилиси, 1987.
2. АКАК. Т. III.
3. *Кокиев Г. А.* Методы колониальной политики царской России на Северном Кавказе в XVIII в. // Изв. ЮОНИИК. Сталинир, 1933. Вып. I. (Отдельный оттиск)
4. *Битова Е. Г.* Балкарская знать в условиях включения в административно-политическую систему Российской империи // Исторический вестник Института гуманитарных исследований правительства КБР и КБНЦ РАН. Нальчик, 2005. Вып. II. С. 141–165.